

О МЕТОДОЛОГИИ ИЗУЧЕНИЯ «РУССКОЙ ПРАВДЫ»

О. Г. Усенко*

Первый древнерусский сборник правовых норм стал объектом научного интереса более 250 лет назад. К настоящему времени о нём написаны десятки книг и сотни статей. Но, несмотря на большие успехи в изучении этого памятника, нельзя сказать, что его информативные ресурсы выявлены полностью.

Если говорить о современной отечественной науке, то более глубокому и всестороннему исследованию «Русской Правды» мешает сложившаяся в советское время традиция. С одной стороны, имеет место раздельное, обособленное изучение «Правды» историками, юристами и филологами. С другой стороны, всех их роднит присутствие (не всегда ими замечаемое) элементов «марксистско-ленинской идеологии» в их методологическом арсенале и одновременно отсутствие навыка (желания?) ясно осознавать и детально описывать используемый «инструментарий».

Под научным «инструментарием» понимается методология в узком смысле – не как учение о методах познания, а как ментальная база и гносеологический «каркас» конкретного исследования, т. е. методология «конкретно-проблемного уровня»¹.

Корректное исследование «Русской Правды», соответствующее современному уровню развития гуманитарных наук, возможно лишь в том случае, если мы поймём, что нет и не может быть универсальной методологии – такой, которая в неизменном виде использовалась бы для анализа разнородных источников и для решения разных исследовательских задач.

Во-первых, любая методология диалектически связана с предметом исследования². Вот что пишет, например, Г. Косиков: «Методология (цели и принципы исследования) выделяет и формирует предмет данной науки; в этом смысле можно сказать, что методология "создаёт" свой предмет. В свою очередь, выделение предмета ведёт к формированию и осознанию учёным задач и способов изучения предстоящего ему объекта, т. е. исследовательской методологии».

* Усенко Олег Григорьевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Тверского государственного университета

¹ См.: Ковальченко И. Д. Методы исторического исследования. – М., 2003. – С. 46;

Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории. – М., 1998. – С. 67–87.

² См.: Ковальченко И. Д. Указ. соч. – С. 56–60.

Иными словами, методология познания и его предмет взаимно предполагают и взаимно формируют друг друга»³.

Во-вторых, каждая методология создаётся и применяется в совершенно конкретной исследовательской ситуации, за рамками которой она теряет свою эффективность.

Под исследовательской ситуацией понимается дискурсивное образование, основными элементами которого являются: 1) намерения историка (цели и задачи работы, статус исследования, предполагаемый состав аудитории), 2) нормы научного сообщества, 3) массовые умонастроения, 4) господствующая идеология и политическая обстановка⁴.

В настоящее время типичная ситуация, в которой оказывается отечественный исследователь «Русской Правды», характеризуется тем, что нет идеологического диктата и необходимости писать «на злобу дня», зато есть потребность критически осмыслить опыт предшественников и творчески использовать наработки отечественных и зарубежных учёных в самых разных областях гуманитарных наук⁵.

Однако нужно отдавать себе отчёт и в том, что все методологии имеют сходную структуру. Это не всегда заметно лишь потому, что далеко не все исследователи осмысливают и характеризуют свой «инструментарий» максимально полно. Многие фокусируют своё внимание лишь на отдельных методологических компонентах, применяя прочие неосознанно – по наитию или по привычке.

Основные компоненты методологии вообще – это исследовательский подход и методика.

Исследовательский подход составляют: 1) исходные положения (базовые схемы и постулаты), 2) принципы исследования, 3) принятая учёным терминология⁶.

Методика – это набор познавательных приёмов (методов), применяемых посредством взаимосвязанных операций и процедур, т. е. в определённой последовательности и по заранее оговорённым правилам⁷. При этом следует различать методы поиска и отбора первичных данных, методы изучения собранного

³ Косиков Г. Французская «новая критика» и предмет литературоведения // Теории, школы, концепции (критические анализы): Художественный текст и контекст реальности. – М., 1977. – С. 44.

⁴ См.: Гулыга А. В. История как наука // Философские проблемы исторической науки. – М., 1969. – С. 14–27; Пэнто Р., Гравитц М. Методы социальных наук. – М., 1972. – С. 170–173; Проништейн А. П. Методика исторического источниковедения. – Ростов н/Д., 1976. – С. 9–11; Кобрин В. Б. Кому ты опасен, историк? – М., 1992; Одиссей: Человек в истории: 1992. – М., 1994. С. 5–65; Теория и методы в социальных науках. – М., 2004. – С. 16.

⁵ См.: Одиссей: Человек в истории: 1992. – С. 51–78; Одиссей: Человек в истории: 1996. – М., 1996. – С. 5–109; Поляков Ю. А. Почему история нас не учит? // Вопросы истории. – 2001. – № 2. – С. 22–24; Зверева Г. И. Культура исторической профессии на рубеже XXI века: вызов «новой интеллектуальной истории» // Труды по культурной антропологии: Памяти Г. А. Ткаченко. – М., 2002. – С. 128–135.

⁶ См.: Ракитов А. И. К вопросу о структуре исторического исследования // Философские проблемы исторической науки. – С. 161–170; Кантор И. М. Понятийно-терминологическая система педагогики. – М., 1980. – С. 49–50; Иванов Г. М., Кориунов А. М., Петров Ю. В. Методологические проблемы исторического познания. – М., 1981. – С. 224–232; Ковальченко И. Д. Указ. соч. – С. 42–43, 214–220, 229–232.

⁷ Ковальченко И. Д. Указ. соч. – С. 39–40.

материала, методы проверки полученных результатов и их вторичной обработки.

Итак, обновлённая методология изучения «Русской Правды» представляется такой:

I. Исследовательский подход

1. Исходные положения.

1.1. «Русская Правда» является системой знаков (текстом). Соответственно в ней отражены и объективная реальность, и внутренний мир её создателей (авторов и редакторов) – как черты их собственно сознания, так и подсознания, как сугубо индивидуальные, так и массовидные психические феномены, присущие той социокультурной общности, в недрах которой рождался и бытовал данный текст⁸.

1.2. По своей внутренней форме «Русская Правда» – это нарратив⁹. В её структуре есть особая – «повествовательная» – логика: источник представляет собой сборник небольших историй, описывающих конкретные случаи (казусы) и сообщающих о событиях, которые произошли или произойдут в реальной жизни¹⁰.

1.3. Интересующий нас памятник – это продукт чужой для нас культуры (чужой в том смысле, что для её понимания требуются особые знания и усилия). Мало того, что источник написан по-древнерусски, – в нём почти нет разбивки на слова и смысловые блоки (предложения и абзацы)¹¹. Стало быть, исследование «Русской Правды» подразумевает расстановку знаков препинания в оригинальном тексте, его сегментацию и перевод на современный язык. А всё это – не что иное, как процедуры интерпретации¹².

1.4. Поскольку «Русская Правда» является сборником правовых норм, значит описанные в ней деяния и ситуации относились к числу широко

⁸ См.: Залевская А. А. Текст и его понимание. – Тверь, 2001. – С. 11–30, 34–37; Боров Ю. Б. Искусство интерпретации и оценки: Опыт прочтения «Медного всадника». – М., 1981. – С. 47–66; Шкуратов В. А. Историческая психология. – М., 1997. – С. 49–58, 381–398; Романов Б. А. Люди и нравы Древней Руси. – М.; Л., 1966.

⁹ С точки зрения структурализма, «решающим в повествовании является не столько признак структуры коммуникации, сколько признак структуры самого повествуемого. Термин "нарративный", противопоставляемый термину "дескриптивный", или "описательный", указывает не на присутствие опосредующей инстанции изложения, а на определённую структуру излагаемого материала. Тексты, называемые нарративными в структуралистском смысле слова, излагают, обладая на уровне изображаемого мира темпоральной структурой, некую *историю*. Понятие же истории подразумевает *событие*. Событием является некое изменение исходной ситуации: или *внешней* ситуации в повествуемом мире (*естественные, акциональные и интеракциональные* события), или *внутренней* ситуации того или иного персонажа (*ментальные* события). Таким образом, нарративными, в структуралистском смысле, являются произведения, которые излагают историю, в которых изображается событие» (Шмид В. Нарратология. – М., 2003. – С. 12–13)

¹⁰ См. также: Шкуратов В. А. Указ. соч. – С. 160–164.

¹¹ См.: Тихомиров М. Н. Пособие для изучения «Русской Правды». – М., 1953; Российское законодательство X–XX веков. – М., 1984. – Т. 1. – С. 39.

¹² См.: Пронштейн А. П. Указ. соч. – С. 83–88, 147–183.

распространённых и регулярно повторявшихся. В связи с этим редакции памятника соответствуют этапам развития древнерусского общества.

1.5. Источник применялся в области светского судопроизводства, причём был предназначен лишь для княжеских чиновников. Это видно уже по тому, что «Русская Правда» ничего не сообщает о юрисдикции церкви и корпораций, а говорит лишь о прерогативах княжеского суда¹³. Кроме того, она записана древнерусским, а не церковнославянским языком. Это означает, что она не рассматривалась как текст сакральный и, соответственно, как доступный всем и каждому¹⁴.

1.6. «Русскую Правду» можно считать неким типовым конспектом, который помогал судебным чиновникам в той или иной ситуации вспомнить порядок своих действий, а также права и обязанности заинтересованных лиц.

Это видно по обилию в источнике излишне кратких формулировок, обрывочных фраз и неполных предложений (например: «А за тивун за огнищный и за конюший, то 80 гривен» – ст. 12 Пр. ред.¹⁵), по наличию скрытых обращений к судьям («Ты тяжё все судять послухи свободными...» – ст. 85 Пр. ред.), по наличию условных, распознаваемых лишь по контексту, обозначений судебных чиновников («а самому ехати с отроком...» – ст. 74 Пр. ред.).

Известно, что основой Пространной редакции памятника была Краткая «Правда»¹⁶. Однако общие для них статьи не идентичны. Одни и те же ситуации описываются хотя и по сходным шаблонам, но всё-таки по-разному – с различной степенью полноты и с помощью различных лексико-грамматических средств. Судя по всему, для авторов и пользователей собственно формулировки статей были чем-то второстепенным – достаточно было того, что слова так или иначе передавали суть, главные черты конкретного правонарушения. Да и другие статьи Пространной редакции – лишь условные (схематичные) обозначения типичных казусов и соответствующей судебной практики.

2. Принципы исследования.

2.1. Принцип «вариантного» изучения родственных текстов, суть которого заключается в поиске связей типа «варианты – инвариант» и в анализе отношений внутри них и между ними¹⁷.

¹³ См.: Греков Б. Д. Киевская Русь. – М., 1953. – С. 143–148, 540–541; Рыбаков Б. А. Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. – М., 1982. – С. 407–410, 418–423; Русская Правда: Введение // Российское законодательство X–XX веков. – С. 28, 31; Фроянов И. Я. Рабство и данничество у восточных славян. – СПб., 1996. – С. 172–173, 181–182; Зимин А. А. Правда Русская. – М., 1999. – С. 31–276.

¹⁴ См.: Успенский Б. А. Краткий очерк истории русского литературного языка (XI–XIX вв.). – М., 1994. – С. 14–16, 44, 48, 52–53.

¹⁵ Здесь и далее выдержки из источника приводятся по изданию: Российское законодательство X–XX веков. – С. 47–49 (Краткая редакция по Академическому списку; далее – Кр. ред.), 64–73 (Пространная редакция по Троицкому списку; далее – Пр. ред.). Орфография упрощённая (современная); знаки препинания расставлены мной.

¹⁶ См.: Российское законодательство X–XX веков. – С. 29–35, 40–42; Зимин А. А. Правда Русская. – С. 8, 202–218.

¹⁷ См.: Источниковедение. – С. 173–178, 280–281.

Исследователи «Русской Правды» применяют этот принцип с конца XVIII в. Благодаря этому были выделены редакции памятника и реконструированы протографы (архетипы) Краткой и Пространной редакций¹⁸.

2.2. Принцип *сравнительного исследования* «Русской Правды» и прочих текстов, созданных на Руси в X – середине XIII вв., а именно памятников деловой письменности и литературы. Это нужно для проверки и корректировки полученных сведений и для их «привязки» к той или иной общности, страте, группе.

Данный принцип тоже соблюдается издавна¹⁹, и в этом смысле учёных упрекнуть не в чем. Однако в современном исследовании должны применяться и другие принципы.

2.3. Принцип *семиотического анализа* текста, в соответствии с которым отдельно рассматриваются отношения знаков между собой (синтактика), отношение к знакам автора и реципиента (прагматика) и отношение знаков к денотатам, т. е. объектам, которые за ними скрываются (семантика), а также различаются понятие и концепт, значение и смысл²⁰.

Понятие – это мыслимая совокупность основных признаков денотата, имманентно ему присущих и позволяющих отнести его к тому или иному логическому классу²¹.

Концепт – это совокупность дополнительных признаков денотата, а именно тех его черт, которые вольно или невольно придаются ему людьми; имеются в виду ассоциации, связанные с денотатом, его символические и метафорические функции, оценочно-эмоциональная окраска и пр.²² «Концепты – единицы ментального лексикона – возникают в процессе построения информации об объектах и их свойствах, причём эта информация может включать как сведения о реальном положении дел в мире, так и сведения о воображаемых

мирах и о возможном положении дел в этих мирах. Это сведения о том, что индивид знает, предполагает, думает, воображает об объектах мира»²³.

Если значение – это прямая отсылка к денотату, то смысл – отсылка косвенная, посредством указания на соответствующий тому концепт. Соответственно значение – это объективная и устойчивая связь между знаком и денотатом,

¹⁸ См.: *Зимин А. А.* Указ. соч.; *Тихомиров М. Н.* Исследование о Русской Правде. – М.; Л., 1941;

Юшков С. В. Русская Правда: происхождение, источники, её значение. – М., 1950.

¹⁹ См. примечание 18, а также: Российское законодательство X–XX веков. – С. 28–129; *Романов Б. А.* Указ. соч.; *Зимин А. А.* Холопы на Руси (с древнейших времён до конца XV в.). – М., 1973. – С. 221–269; *Фроянов И. Я.* Указ. соч. – С. 104–259; *С. Колесов В. В.* Древняя Русь: наследие в слове: Мир человека. – СПб., 2000.

²⁰ См.: *Борев Ю. Б.* Указ. соч. – С. 78–80; Лингвистический энциклопедический словарь. – М., 1990. – С. 441; *Кукушкина Е. И.* Познание, язык, культура. – М., 1984. – С. 179–246; *Степанов Ю. С.* В трёхмерном пространстве языка: Семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства. – М., 1985. – С. 278–314; *Михальская А. К.* Русский Сократ: Лекции по сравнительно-исторической риторике. – М., 1996; *Вендина Т. И.* Средневековый человек в зеркале старославянского языка. – М., 2002; *Гудков Д. Б.* Теория и практика межкультурной коммуникации. – М., 2003.

²¹ См.: Философский энциклопедический словарь. – М., 1983. – С. 513–514; *Лагута (Алёшина) О. Н.* Логика и лингвистика. – Новосибирск, 2000. – С. 42–43, 55–56.

²² См.: Философский энциклопедический словарь. – С. 278, 618; *Залевская А. А.* Указ. соч. – С. 30–34, 81–91.

²³ *Лагута (Алёшина) О. Н.* Указ. соч. – С. 32.

[с. 84]

а смысл – связь произвольная (субъективная) и относительно изменчивая²⁴.

В «Русской Правде» диалектика значения и смысла проявлялась, например, в том, что слово «послух», означавшее поручителя, свидетеля добропорядочности обвиняемого, иногда получало новый смысл – маркировало свидетеля происшествия, очевидца, хотя тот, как правило, фигурировал как «видок»²⁵. Основой такого смешения была понятийная общность обоих слов – то, что и «послух», и «видок» выступали свидетелями на суде. Концептуальная же оболочка этих терминов различна: если первый отсылает нас к области устной и опосредованной коммуникации, то второй термин – к области визуальной и непосредственной коммуникации.

2.4. Принцип *системности*. «Русская Правда» предстаёт как относительно автономная знаковая система, элементами которой выступают отдельные статьи. При этом основные уровни системы – форма и содержание – подразделяются в свою очередь на ряд подсистем. К формальному уровню текста вообще относятся речевые конструкции (грамматика) и видеоряд – графика письма, разбивка текста, изображения и пометы (если они есть). Уровень содержания представляет собой совокупность значений, сюжетной структуры (отношений между денотатами) и смыслов текста (концептов и отношений между ними)²⁶.

Данный принцип, например, помогает правильно понимать и переводить чрезмерно краткие формулировки – подобные тем, что содержит ст. 14 Пр. ред. («А за рядовича 5 гривен. Тако же и за бояреск»). Сама по себе эта статья выглядит непонятной. Взятая же в контексте, она обретает смысл: «Если свободный мужчина убил княжеского или боярского рядовича, то он должен заплатить бывшему господину убитого компенсацию в размере 5 гривен, если убитый не являлся поваром, конюхом [см. ст. 11], тиуном [см. ст. 12–13, 110], ключником [см. ст. 110], ремесленником [см. ст. 15] или кормильцем – воспитателем знатных отпрысков [см. ст. 17]».

2.5. Принцип *герменевтического анализа* текста, ориентирующий исследователя на выявление не только наглядно представленной (эксплицитной) информации, но и скрытой (имплицитной). Эксплицитная информация извлекается в ходе «прочтения» текста, т. е. выявления его значений и сюжетной структуры, а имплицитная – в ходе интерпретации текста, т. е. обнаружения его смыслов²⁷.

Данный принцип, в частности, помогает правильно выстроить методику изучения «Русской Правды» (см. ниже).

²⁴ См.: Леонтьев А. А. Смысл как психологическое понятие // Психологические и лингвистические проблемы владения и овладения языком. – М., 1969. – С. 60, 63–64; Никитин М. В. Основы лингвистической теории значения. – М., 1988. – С. 38–39.

²⁵ См.: Российское законодательство X–XX веков. – С. 51, 61, 94.

²⁶ См.: Боров Ю. Б. Указ. соч. – С. 69–73, 75; Лебедев В. Ю. Очерк теории сакрального перевода. – Тверь, 2001. – С. 18–19; Смирнов И. П. О древнерусской культуре, русской национальной специфике и логике истории. – Wien, 1991 (Wiener slawistischer Almanach. – Sonderband 28).

²⁷ См.: Кузнецов В. Г. Герменевтика и гуманитарное познание. – М., 1991; Смирнов И. П. Указ. соч.; Рикёр П. Конфликт интерпретаций: Очерки о герменевтике. – М., 1995

2.6. Принцип *историзма* в его современном – культурно-антропологическом – понимании. Речь идёт о том, что исследователь должен осознавать относительность привычных для него норм и понятий – в том числе таких, как «ложь» и «правда», «психическая норма» и «безумие», «логика» и «заблуждение». Чтобы понять поступки и слова «чужих» (людей прошлого или современных исследователю представителей иной культуры), нужно попытаться взглянуть на мир их глазами. Но в таком случае учёный должен доверять своим «собеседникам» (людям, чьи мысли, речи и/или деяния воплотились в источнике) – доверять в том смысле, чтобы в процессе познания использовать не привычные, «родные» для него критерии, но критерии, характерные для изучаемой культуры и/или эпохи²⁸.

К сожалению, при изучении «Русской Правды» принцип историзма в данном аспекте соблюдается не всегда. Это проявляется, например, в неразличении «челяди» и «холопов», а также в априорной (относительно данного источника) уверенности, что Русь XI – начала XIII в. была уже феодальным обществом²⁹. Кроме того, имеет место совершенно произвольная интерпретация ряда статей.

Взять, к примеру, ст. 17 Кр. ред. («Или холоп ударить свободна мужа, а бежить в хором, а господин начнеть не дати его, то холопа пояти, да платить господин за нь 12 гривне; а за тым, где его налезуть удареныи тои мужь, да бьють его») и аналогичную ей ст. 65 Пр. ред. («**А се аже холоп ударить**. А се аже ударить свободна мужа, а убежить в хором, а господин его не выдасть, то платити за нь господину 12 гривен; а затем аче и кде налезеть удареныи ть своего истыця, кто его ударил, то Ярослав был уставил убити и, но сынове его по отци уставиша на куны, любо бити розвязавше, любо ли взяти гривна кун за сором»).

А. А. Зимин вслед за В. И. Сергеевичем увидел в ст. 17 Кр. ред. «логическое несоответствие», порождённое позднейшими вставками под влиянием ст. 65 Пр. ред. На взгляд А. А. Зимина, выражение «холопа пояти» не имеет смысла – оно не вяжется ни с предыдущей фразой («а господин начнеть не дати его»), ни с последующими. Историк пишет: «Когда Ярослав ввёл возможность выкупать холопа, то, естественно, "ять" холопа у господина было нельзя, и слово "пояти" в данном тексте остаётся бессмысленным архаическим пережитком». В результате учёный навязал источнику свою логику, отредактировав статью таким образом: «Или холоп ударить свободна мужа... то холопа

²⁸ См.: Кузнецов В. Г. Указ. соч. – С. 143; Шкуратов В. А. Указ. соч. – С. 96–108; Библер В. С. Михаил Михайлович Бахтин, или Поэтика культуры. – М., 1991. – С. 119–122, 133–134; Гуревич А. Я. Исторический синтез и Школа «Анналов». – М., 1993. – С. 15–16, 281, 293; Теория и методы в социальных науках. – С. 59.

²⁹ См. примеч. 19, а также: Греков Б. Д. Указ. соч. – С. 121–262, 517–546; Черепнин Л. В. Из истории формирования класса феодально-зависимого крестьянства на Руси // Исторические записки. – 1956. – Т. 56. – С. 235–264; Рыбаков Б. А. Указ. соч. – С. 328–329, 359–360, 363–367, 403–410, 418–423; Свердлов М. Б. Генезис и структура феодального общества в Древней Руси. – Л., 1983. – С. 90–222; Он же. Общественный строй Древней Руси в русской исторической науке XVIII–XX веков. – СПб., 1996. – С. 168–319; Он же. Становление феодализма в славянских странах. – СПб., 1997. – С. 279–297; Фроянов И. Я. Указ. соч. – С. 104–259.

[с. 86]

пояти... да бьютъ его». Причём слово «бьютъ» исследователь понимал как «убьютъ», ссылаясь на ту часть ст. 65 Пр. ред., где говорится: «Ярослав был уставил убити ии»³⁰.

Между тем при доверии к источнику и при учёте того, что перед нами сложное предложение с пропущенными частями, ст. 17 Кр. ред. можно понять и без редакторской правки. Нужно лишь непредвзято сопоставить её как со ст. 65 Пр. ред., так и с теми статьями, где говорится о праве свободного мужчины в определённых ситуациях убить любого человека безнаказанно (ст. 3, 21, 38 Кр. ред. и ст. 26, 40, 89 Пр. ред.).

И тогда ст. 17 Кр. ред. в полном переводе выглядит примерно так:

«Свободный мужчина, которого ударил чужой холоп, имеет право убить обидчика на месте; если же тот успел скрыться в доме (дворе) своего господина, то потерпевший по горячим следам имеет право потребовать от господина холопа выдать его для немедленной расправы вплоть до убийства; если же господин отказался это сделать, потерпевший имеет право обратиться в княжеский суд, по решению которого преступник должен быть арестован. Его дальнейшая судьба зависит от воли господина – тот имеет право либо заплатить князю 12 гривен штрафа и получить холопа обратно, либо отказаться платить штраф, и тогда холоп должен быть выдан потерпевшему на расправу. Но даже если господин холопа заплатил указанный штраф, потерпевший по-прежнему имеет право расправиться с обидчиком позднее – при новой встрече с холопом вне дома (двора) его господина».

В свою очередь, корректный перевод ст. 65 Пр. ред. выглядит примерно так:

«В правление Ярослава Мудрого действовал следующий закон: свободный мужчина, которого ударил чужой холоп, имел право убить обидчика на месте [см. ст. 89, 40 Пр. ред.], не опасаясь того, что он должен будет заплатить князю штраф 12 гривен [см. ст. 89, 26 Пр. ред.] и компенсацию господину убитого [см. ст. 16, 89 Пр. ред.]; если же холоп успел скрыться в доме (дворе) своего господина, то потерпевший имел право по горячим следам потребовать от господина холопа выдать его для немедленной расправы вплоть до убийства; если же господин отказывался это сделать, потерпевший имел право обратиться в княжеский суд, по решению которого преступник арестовывался и его дальнейшая судьба зависела от воли господина – тот имел право либо заплатить 12 гривен штрафа и получить холопа обратно, либо отказаться платить штраф, и тогда холоп-обидчик выдавался потерпевшему на расправу; но даже если господин холопа заплатил штраф, потерпевший по-прежнему имел право расправиться с обидчиком позднее – при новой встрече с ним вне дома (двора) его господина».

После смерти Ярослава Мудрого его сыновья изменили этот закон, и он принял следующий вид: свободный мужчина, которого ударил чужой холоп, имеет право убить обидчика на месте, не опасаясь того, что он должен будет

³⁰ *Зимин А. А.* Холопы на Руси. – С. 43. В позднейшей работе автора подобного пассажа нет, зато по-прежнему есть утверждение, что по ст. 17 Кр. ред. холопа, оскорбившего свободного мужчину, взять («яти») было нельзя (*Зимин А. А.* Правда Русская. – С. 274).

[с. 87]

заплатить штраф 12 гривен и компенсацию господину убитого; если же холоп успел скрыться в доме (дворе) своего господина, то потерпевший имеет право по горячим следам потребовать от господина холопа выдать его для немедленной расправы вплоть до убийства; если же господин отказался это сделать, потерпевший имеет право обратиться в княжеский суд, по решению которого преступник должен быть арестован; его дальнейшую судьбу должен решить господин, который имеет право либо заплатить 12 гривен штрафа и получить холопа обратно, либо отказаться платить штраф, и тогда холопа-обидчика нужно выдать потерпевшему на расправу; но даже если господин холопа заплатил штраф, потерпевший имеет право при встрече с обидчиком вне дома (двора) его господина схватить холопа, отвести его в княжеский суд и потребовать либо публичного наказания холопа кнутом, либо компенсации от господина холопа в размере 1 "гривны кун" за пережитое оскорбление».

II. Методика

В идеале изучение «Русской Правды» должно проводиться в две стадии: сначала на микроуровне – в рамках лишь интересующего нас источника, а потом на макроуровне – в ходе сопоставления сведений, извлечённых из «Русской Правды», с данными других источников. Собственно говоря, подобным образом «Русская Правда» изучается давно. Однако следует помнить, что результаты, получаемые на макроуровне, всецело зависят от итогов первой стадии исследования. Между тем некоторые типичные процедуры, которые традиционно применяются на микроуровне, требуют корректировки.

Думается, что первая стадия исследования (на микроуровне) должна включать в себя два этапа: а) перевода оригинального текста, б) изучения новой, созданной исследователем версии текста.

1. Корректный перевод «Русской Правды».

Максимально полный и точный перевод «Правды» возможен лишь как результат межкультурной коммуникации³¹. Между тем исследователи в лучшем случае «калькируют» источник³², а зачастую вообще его не переводят, полагая, видимо, что он и так вполне ясен, и только сопровождают оригинальный текст комментариями³³. Тем самым отсекается большой пласт скрытой в нём информации и одновременно создаётся простор для вольных толкований и даже спекуляций.

1.1. «Прочтение» источника (выявление, как часто пишут, его «непосредственного содержания») обеспечивается общенаучными методами – такими, как описание, анализ, синтез, сравнение, классификация, обобщение и др.

³¹ См.: *Ткаченко Ю. В.* Теория и практика перевода как антропологически ориентированная дисциплина // Историческая антропология: Концепция преподавания в РГГУ. – М., 2001. – С. 80–81; *Васильева Т. В.* Сны о русском Аристотеле // Труды по культурной антропологии. – С. 357–358; *Баткин Л. М.* О проблеме «чужого текста» и о том, был ли «настоящий Петрарка» // Одиссей: Человек в истории: 2002. – М., 2002. – С. 347–350.

³² См.: Библиотека для самообразования. – М., 1910. – Вып. 13: Киевская Русь – Т. 1. – С. 575–600; Хрестоматия по истории СССР: С древнейших времён до конца XV в. – М., 1960. – С. 202–205; Библиотека литературы Древней Руси. – СПб., 1997. – Т. 4. – С. 490–517.

³³ См. указанные выше работы по истории Древней Руси.

[с. 88]

На этом уровне перевод является собой обработку эксплицитной информации и предстаёт большей частью как «подстрочник» (или «калька») текста, дополненный комментариями к словам, у которых нет соответствий в языке переводчика. Самое главное здесь – учесть особенности древнерусской речи, которой, например, была присуща чрезмерная (на современный взгляд) полисемантичность и метафоричность³⁴.

1.2. Окончательный перевод источника, равно как его обработка на следующем этапе исследования, подразумевает извлечение скрытой (латентной) информации³⁵. Это заставляет использовать соответствующие методы – не только «традиционные», но также из арсенала герменевтики.

Во-первых, речь идёт о применении структурно-типологического метода. Это подразумевает обнаружение в исходном тексте формообразующих универсалий («повествовательных инстанций», «точек зрения», фабул, композиционных приёмов, логических связей, а также «общих мест» – образов, символов, шаблонов и стереотипов), их классификацию и типологию, установление отношений между ними и создание текстуальных моделей³⁶.

Данный метод при изучении «Правды» может помочь, например, в расстановке знаков препинания и в поиске ошибок переписчиков³⁷. Он также, в частности, помогает понять, что если преступник обозначается местоимением «кто» или вообще не указывается, то имеется в виду взрослый мужчина из категории свободных (полноправных) людей.

Во-вторых, целесообразно использовать метод системно-семантического анализа. Он подразумевает выделение в отдельных статьях ключевых слов (терминов) и их эпитетов, выявление у тех и других ситуативных значений и смыслов, сравнение и обобщение полученных результатов и, наконец, максимально точное определение семантического поля каждого из ключевых слов.

В-третьих, адекватный перевод источника и его дальнейшее изучение невозможны без применения метода «внимательного чтения» (М. О. Гершензон, Я. О. Зунделович) или «восполняющего понимания» (М. М. Бахтин). Суть его – в обнаружении, объяснении и устранении (посредством добавочных формулировок и редакторской правки) «умолчаний», «оговорок» и речевых «лакун»³⁸.

«Умолчание» – это сознательное построение сообщения (текста) таким образом, чтобы отсечь лишнюю (на взгляд автора в данной ситуации) информацию, т. е. оставить часть сведений, в принципе необходимых реципиенту

³⁴ Кобрин В. Б. Власть и собственность в средневековой России. – М., 1985. – С. 28; Юрганов А. Л. Категории русской средневековой культуры. – М., 1998. – С. 25.

³⁵ См.: Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе. – М., 1986; Тюленев С. В. Теория перевода. – М., 2004.

³⁶ См.: Шмид В. Указ. соч.; Смирнов И. П. Указ. соч.; Зоркая Н. М. На рубеже столетий: У истоков массового искусства в России 1900–1910 годов. – М., 1976. – С. 183–225; Путилов Б. Н. Героический эпос и действительность. – Л., 1988; Лотман Ю. М. Лекции по структуральной поэтике // Ю. М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа. – М., 1994. – С. 11–245.

³⁷ См.: Дегтярёв А. Я. Комментарий к статье 3 Русской Правды Краткой редакции // Генезис и развитие феодализма в России: Проблемы идеологии и культуры. – Л., 1987. – С. 76–77.

³⁸ См.: Борев Ю. Б. Указ. соч. – С. 73–75; Кузнецов В. Г. Указ. соч. – С. 134–135.

(слушателю, зрителю, читателю), за пределами сообщения. При этом сообщение выглядит внешне как нечто цельное и законченное. Утаённая информация выявляется лишь путём сопоставления данного текста с другими высказываниями автора.

«Оговорка» – это то, что в чужом высказывании (тексте) реципиент воспринимает как некую аномалию, это фраза или её часть, которую он оценивает как нелогичную, неуместную, лишнюю, странную, уводящую в сторону от основного повествования.

Речевая «лакуна» – это противоречащее нормам грамматики отсутствие в речи (тексте) отдельных языковых единиц и/или конструкций, но это такое отсутствие, которое, по мнению автора, не должно привести реципиента к неверному восприятию речи (текста), ибо упущенное как бы само собой разумеется и может быть мысленно восстановлено. Подобное возможно лишь в рамках общего для автора и реципиента коммуникативного контекста – при наличии единого фонда представлений и знаний или при условии, что высказывание с «лакуной» будет сопровождаться иными сообщениями.

В тексте «Русской Правды» наличествуют все виды указанных выше феноменов, но далеко не всегда они обнаруживаются, а будучи обнаруженными, не всегда подвергаются корректной интерпретации.

«Умолчаниями», например, сопровождаются статьи, которые говорят о преступлениях, относившихся, согласно «Церковному уставу» Ярослава Мудрого, к юрисдикции Русской православной церкви. Так, и ст. 83 Пр. ред. «Правды», и ст. 13 «Устава» посвящены поджогам, но ничего не говорят о распределении судебных полномочий между светской и духовной властями по этому поводу³⁹.

Кроме того, ст. 83 Пр. ред. «Русской Правды» умалчивает о том, что если поджог совершил не просто свободный общинник, а домохозяин-семьянин, то конфискацией имущества и «потоком» (изгнанием из общины и переводом в категорию «несвободных» под личной властью князя) должны быть наказаны также его жена и дети. Это выясняется лишь при обращении к ст. 7 Пр. ред.

Что касается «оговорок» в тексте «Правды», то с одной мы уже познакомились, когда разбирали ст. 17 Кр. ред. Подобный феномен усматривается и в ст. 112 Пр. ред. («Аже холоп бежить, а заповесть господин, аже слышав кто или зная и ведая, оже есть холоп, а дасть ему хлеба или укажет ему путь, то платити ему за холоп 5 гривен, а за робу 6 гривен»).

Здесь, на первый взгляд, явная тавтология – употребление двух глаголов с общим значением «знать». Однако недоумение уступает место пониманию, стоит лишь учесть, что в древнерусском языке глаголы «знати» и «ведати» находились между собой в таких же отношениях, как немецкие глаголы «kennen» и «wissen» или же французские «connaître» и «savoir», т. е. первый означал «знать кого-то лично, непосредственно», а второй – «знать о чём-то умозрительно, иметь абстрактные знания». Поэтому корректный перевод ст. 112 Пр. ред. представляется таким:

³⁹ См.: Российское законодательство X–XX веков. – С. 112, 179.

«Если холоп/рабыня убежал/-ла от своего господина, то господин должен публично объявить о побеге и приметах беглеца/беглянки на торговой площади. После этого всякий свободный мужчина, который накормит беглеца/беглянку, или снабдит его/её продуктами, или сообщит сведения, необходимые ему/ей, чтобы скрыться, должен будет заплатить потерпевшему компенсацию (за холопа – 5 гривен, за рабыню – 6 гривен), если окажется, что он лично слышал объявление потерпевшего, либо не слышал, но знал беглеца/беглянку лично ещё до побега, либо до встречи с беглецом/беглянкой узнал об их побеге и приметах от иных людей».

Что касается «лакун», то они имеются практически во всех статьях «Русской Правды». Возьмём уже рассмотренную ранее ст. 17 Кр. ред. В ней сразу несколько «пробелов», так как

вербально описываются далеко не все правовые действия, необходимые и допустимые в ситуации, когда свободного мужчину оскорбил действием чужой холоп.

Но можно для примера взять и ст. 3 Кр. ред. («Аще ли кто кого ударить бато́гом, любо жердью, любо пястью, или чашею, или рогом, или тылеснию, то 12 гривне; аще сего не постигнуть, то платити ему, то ту ко́нець»). Конечная фраза смущала некоторых исследователей своей, как они писали, «синтаксической нелепостью», она виделась им «не имеющей смысла», искажённой позднейшими сокращениями. Посему эта фраза подверглась редактированию и стала такой: «...аще сего не постигнуть, **кто** платити ему, то ту ко́нець». При этом слово «постигнут» трактуется как «определят, выявят»⁴⁰.

Между тем сравнение данной статьи со ст. 23–26 Пр. ред. позволяет понять её и без правки оригинального текста. Перевести её можно так: «Если свободный мужчина вызвал свободного мужчину на поединок, ударив его бато́гом, или жердью, или чашей, или рогом для питья, или мечом в ножнах, или рукоятью необнажённого меча, либо дав ему пощёчину, но поединок не состоялся, т. к. вызванный своего меча не обнажил, то указанные действия считаются оскорблением, и потерпевший имеет право подать жалобу в княжеский суд, по решению которого обидчик обязан будет заплатить штраф князю в размере 12 гривен. Если же свободный мужчина в ответ на указанные выше действия обнажил свой меч, то это считается началом официального поединка, и тот, кто в ходе его покалечил или убил противника, должен быть освобождён от правовой ответственности»⁴¹.

2. Автономное изучение перевода «Русской Правды».

Одним из направлений исследования на этом этапе является постоянное уточнение и корректировка перевода оригинального текста. Но основное внимание должно быть уделено формированию массива упорядоченных данных, которые можно поделить на «фактологию» и «концептологию».

2.1. «*Фактология*» – это составленная исследователем компиляция, объединяющая извлечённые из источника сведения конкретного характера, т. е. «привязанные» к определённому лицу (лицам), моменту времени, месту и

⁴⁰ См.: Дегтярёв А. Я. Указ. соч. – С. 73, 76–78.

⁴¹ См. также: Российское законодательство X–XX веков. – С. 52.

ситуации. Она отражает историческую реальность в обеих её ипостасях – и объективной, и субъективной.

С точки зрения содержания, «фактологию» можно разделить на две сферы: на «мироописание» (сюда входит эксплицитная информация о географических объектах, природных явлениях, социальных отношениях, предметах быта, повседневной жизни людей прошлого) и на «психографию», которая фиксирует наглядно проявляемые черты эмоциональной и духовной жизни людей – как на уровне индивидуальных форм (обыденное сознание, мировоззрение), так и на уровне массовидных форм (групповое сознание, общественное сознание, социальная психология).

Изучение «Русской Правды» в этом направлении подразумевает использование тех же методов, которые применялись на предыдущем этапе.

2.2. Если мы подвергнем «фактологию» дополнительной обработке, то получим сведения абстрактного характера – «*концептологию*». К ней относятся наблюдения и выводы, которые играют роль, так сказать, «кирпичиков» и «блоков» при реконструкции духовного мира людей прошлого и базовых структур их психики – как на уровне индивида, так и на уровне групп, страт и общностей⁴².

Исследованию «Русской Правды» в этом аспекте может помочь контент-анализ – как семантический (основанный на подсчётах частоты упоминаний того или иного объекта в определённой связи с другими объектами), так и лингвистический (подразумевающий статистическое изучение грамматических особенностей текста)⁴³.

Кроме того, при создании «концептологии» важную роль играют метод «вчувствования» (В. Дильтей) или «вживания» (М. М. Бахтин), а также процедура «диалога культур» (В. С. Библер). В обоих случаях имеет место игровое раздвоение сознания исследователя: он задаёт источнику вопросы и для ответа на них мысленно выходит за рамки привычного, смотрит на мир глазами «Чужого» – через призму иного разговорного языка, иных традиций, обычаев, представлений, идеалов и т. п. Иначе говоря, учёный отождествляет себя с источником, как бы одушевляет его, представляя в образе собеседника, способного реагировать на обращения к нему. Причём исследователь задаёт вопросы мировоззренческого и экзистенциального характера, т. е. такие, на которые в источнике нет и не может быть явных, «лежащих на поверхности» ответов.

⁴² См.: Шкуратов В. А. Указ. соч. – С. 111–131, 275–294; Усенко О. Г. К определению понятия «менталитет» // Российская ментальность: методы и проблемы изучения. – М., 1999. – С. 29–77; *Он же*. Ментальные основы древнерусского монархизма (середина XIII – середина XV вв.): оппозиции верность/измена и вассал/подданный // Cahiers du Monde russe. – 2005. – Т. 46. – № 1–2 (janvier – juin). – Р. 363–385; *Он же*. Жизненные идеалы и нормы поведения русских в «немом» игровом кино (1908–1919) // История страны / История кино. – М., 2004. – С. 33–55; *Он же*. Об инвариантах и стереотипах кинотворчества (на примере отечественного игрового кино 1908–1919 гг.) // Философия и психология творчества. – Тверь, 2005. – С. 115–135; *Он же*. Человек, социум и природа в российском игровом кино 1908–1919 гг. // Человек. Общество. История. – Тверь, 2006. – С. 223–244.

⁴³ См.: Бородкин Л. И. ЭВМ ищет авторов средневековых текстов // Число и мысль. – М., 1986. – Вып. 9. – С. 113–141; Хвостова К. В. Контент-анализ в исследованиях по истории культуры // Одиссей: Человек в истории: 1989. – М., 1989. – С. 136–143; Методы сбора информации в социологических исследованиях. – М., 1990. – Кн. 2; Основы прикладной социологии. – М., 1995.

Кроме того, учёный должен быть готов скорректировать или снять некоторые вопросы и поставить новые, возникшие непосредственно в ходе коммуникации с источником⁴⁴.

Эти когнитивные приёмы наиболее эффективны в связке с методом «схематической» (В. П. Визгин) или, лучше сказать, «анфиладной» интерпретации. Речь идёт вот о чём: сведения конкретного характера (элементы «фактологии») рассматриваются как некие знаки и подвергаются интерпретации; обнаруженные за ними реалии (денотаты, концепты и отношения между ними) в свою очередь рассматриваются как знаки, требующие «прочтения» и толкования, а когда обнаруживаются скрытые за ними «реалии 2-го плана», последние вновь предстают в виде знаков, дешифровка которых выводит исследователя на «реалии 3-го уровня», и всё начинается снова. Такое продвижение «вглубь» текста является одновременно переходом от частного к общему, от конкретного ко всё более абстрактному⁴⁵.

Например, зададим авторам и редакторам «Русской Правды» следующий вопрос: как жители домонгольской Руси определяли для себя, кто такой «человек» и кто такие «люди» вообще? В результате обработки переведённого текста источника мы получаем такой «концептологический» ответ: в домонгольской Руси «человеком» считался только тот представитель биологического вида Homo Sapiens, который родился на Руси и входил в какую-либо корпорацию. Получается, что в понятие «люди» не входили приезжие иностранцы и «челядь», под которой нужно разумеать военнопленных, рабов иноземного происхождения (их приравнивали к скоту)⁴⁶. В то же время различались, так сказать, «люди 1-го сорта», «2-го сорта» и «3-го сорта».

«Люди 1-го сорта» – это правовая страта «свободных». Но и внутри неё существовала иерархия: «человеком» в полном смысле слова был только взрослый женатый мужчина-домохозяин; остальные представители данной страты, в том числе замужние женщины, будучи неполноправными, являли собой низший разряд «первосортных людей».

«Людьми 2-го сорта» были те жители Киевской Руси, которые в современной научной литературе именуются «полусвободными», – к примеру, закупы, рядовичи, смерды. В одной ситуации они рассматривались как «свободные», а в другой – как «несвободные», т. е. у каждого из них были две ситуативные ипостаси, не сводимые воедино.

«Люди 3-го сорта» – это холопы, т. е. «несвободные» из числа местных жителей⁴⁷. С одной стороны, они обладали правосубъектностью, хотя и сильно ограниченной, и нередко занимали высокие должности в хозяйствах знати. Соответственно холопы были членами общества. С другой стороны, они

⁴⁴ См.: Кузнецов В. Г. Указ. соч. – С. 58, 135; Библер В. С. Указ. соч. – С. 90–96, 100–101, 108–109, 119; Он же. Ещё один диалог Монолога с Диалогиком // «Архэ»: Культуро-логический семинар: Ежегодник. – Кемерово, 1993. – Вып. 1. – С. 10–55; Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. – М., 1984; Он же. Проблемы средневековой народной культуры. – М., 1981.

⁴⁵ См.: Кузнецов В. Г. Указ. соч. – С. 136–137; Мейзерский В. М. Проблема символического интерпретанта в семиотике текста // Учен. зап. Тартуского ун-та. – 1987. – Вып. 754. – С. 3–9.

⁴⁶ См.: Фроянов И. Я. Указ. соч. – С. 104–156.

⁴⁷ См.: Фроянов И. Я. Указ. соч. – С. 156–259.

[с. 93]

пребывали в самом низу социальной лестницы, и этот их статус был зафиксирован даже на уровне грамматики.

В «Русской Правде» слово «холоп», наряду со словом «челядин», употребляется как существительное неодушевлённого вида. На Руси до XII в. и даже позже в форме винительно-родительного падежа, выражавшего признак одушевлённости, употреблялись «преимущественно существительные, обозначающие взрослых свободных людей-мужчин, слова же со значением "раб", "слуга", "холоп" и подобные чаще употреблялись в старой форме винительного падежа, не равного родительному, например: "холоп ударить **свободна мужа**", но "платити ему за **холопъ**"»⁴⁸.

В заключение следует заметить, что использование предложенной методологии позволит не только выявить у «Русской Правды» новые информативные ресурсы, но и на их основе пересмотреть целый ряд устоявшихся представлений о домонгольской Руси.

⁴⁸ Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры: опыт исследования. – М., 1997. – С. 563.

[с. 94]
